

Научная статья
УДК 81'37
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_69
EDN CNNIRX

Оценочные производные гнезда *литература* в современной речи

Екатерина Михайловна Мельникова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
em09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9795-0971>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности функционирования в современной речи оценочных производных гнезда *литература*. Отмечается, что они проявляют свой оценочный потенциал разными путями. С одной стороны, среди них есть неоценочные по своей природе единицы, которые начинают развивать оценочные семы, отражая актуальную тенденцию экспрессивизации высказывания и повышения роли эмоционально-оценочного компонента. Существительное *литература* в позиции предиката отражает широкий оценочный спектр, и экспликации оценочного смысла способствует контекст, содержащий стилистически маркированные единицы, поддерживающие вектор оценки. Оценочным в определённых контекстах становится производное *литературный*, развивающее качественные семы. Существительное *литературность* реализует в современной речи, как правило, отрицательные оценочные семы «неправдоподобность», «излишнее украшательство речи» и приобретает способность сочетаться с градуальными лексическими единицами, указывающими на чрезмерность проявления признака. Производные *литераторство*, *литераторствовать*, изменившие, по данным толковых словарей, свой стилистический статус с книжных на разговорные, приобретают отрицательные оценочные коннотации в контекстах разговорной речи.

С другой стороны, в гнездо слова *литература* входят и производные с оценочными аффиксами. Среди них активно суффиксальное образование *литературка*, употребление которого отражает разные проявления негативной оценки – иронии автора, его пренебрежительного отношения к предмету речи. Негативную оценку выражают и стилистически маркированное суффиксальное производное *литературица*, префиксальное производное *окололитературный*. Сопровождаемые в словарях указанием на оттенки неодобрения, пренебрежения, и в ряде случаев – пометой *разговорное*, рассмотренные единицы реализуют данные смыслы в современных текстах

© Мельникова Е. М., 2023

различной стилистической направленности – в книжной речи (художественной, публицистической) и разговорных контекстах интернет-общения.

Ключевые слова: оценка; оценочные производные; оценочные коннотации; экспрессивное словообразование; стилистическая маркированность; контекст; активные процессы в лексике

Для цитирования: Мельникова Е. М. Оценочные производные гнезда *литература* в современной речи // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 69-80. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_69. <https://elibrary.ru/CNNIRX>.

Original article

Evaluation derivatives of the lexical group “*literature*” in modern speech

Ekaterina M. Melnikova

Candidate of philological sciences, associate professor at the Russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl em09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9795-0971>

Abstract. The article examines how evaluative derivatives of the lexical group “*literature*” function in modern speech. It is noted that they manifest their evaluative potential in different ways. On the one hand, there are non-evaluative units among them that are beginning to develop evaluative semes, reflecting the current trend of making statements more expressive and increasing the role of the emotional evaluative component. The noun *literature* in the predicate position reflects a wide evaluative spectrum, and the explication of the evaluative sense is facilitated by the context containing stylistically marked units that support the evaluation vector. In certain contexts, the derivative *literary* becomes evaluative, developing qualitative semes. The noun *literariness* in modern speech implements, as a rule, negative evaluation semes “implausibility”, “excessive ornamentalism” and acquires the ability to combine with gradable lexical units, indicating the excessive expression of the feature. According to the explanatory dictionaries, the derivatives *literary activities*, *writing* and *be engaged in literature*, which have changed their stylistic status from bookish to colloquial, acquire negative evaluative connotations in colloquial contexts.

On the other hand, the lexical group “*literature*” also includes derivatives with evaluative affixes. Among them is the active suffix formation *trashy literature*, the use of which reflects various manifestations of negative evaluation – the author's irony and contemptuous attitude toward the speech subject. The stylistically marked suffixal derivative *striving for literary effect* and the prefixal derivative *circum-literary* also express a negative evaluation. The units under consideration, marked in the dictionaries by indications “disapproval”, “disdain”, and in some cases “colloquial”, implement these

meanings in contemporary texts of different styles – in books (fiction, journalism) and in colloquial contexts of Internet communication.

Keywords: evaluation; evaluative derivatives; evaluative connotations; expressive word formation; stylistic marking; context; active lexical processes

For citation: Melnikova E. M. Evaluation derivatives of the lexical group “literature” in modern speech. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):69-80. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_69. <https://elibrary.ru/CNNIRX>.

Введение

Оценочные коннотации, сопровождающие употребление слова в тексте, распространяются в современной речи на единицы, не предполагающие по своей семантической природе наличия оценочного компонента. На данный факт, привлекая исследования А. Вежбицкой, обращает внимание Т. Б. Радбиль: «А. Вежбицкая <...> отмечает такую специфичную для русской языковой картины мира черту, как установка на эмоциональное и нравственно или оценочно окрашенное отношение к миру и людям, причём это проявляется даже в ситуациях, которые, по логике, требуют вполне нейтральной номинации. Сегодня эта тенденция проявляется в активизации использования стилистически маркированных, экспрессивно насыщенных лексем в позициях, в общем не требующих включения оценки говорящего <...>» [Радбиль, 2013, с. 319–320]. Формирование оценочных значений у безоценочных слов как проявление изменений в лексической семантике отмечает и М. Я. Гловинская [Гловинская, 2010]. Ср. также замечания об оценочном компонен-

те семантики некоторых безоценочных иноязычных слов в [Крысин, 2008].

Производные слова гнезда “литература”, неоценочные по своей природе, приобретают в современной речи оценочную коннотацию.

Оценочные коннотации производных гнезда “литература”

Само существительное *литература* способно выразить оценку при употреблении в позиции предиката. При этом оценочный спектр его чрезвычайно широк – от положительного полюса:

(1) ... *Все самые крупные успехи русского и мирового кинематографа связаны с литературой, исключения в виде Феллини и отдельных фильмов Висконти, как и некоторых лент Эйзенштейна и Довженко лишь подтверждают правило. «Талантливый мистер Рипли», «Однажды в Америке», «Крестный отец», герасимовский «Тихий Дон» – это литература, и литература большая. А вот «мыльные оперы», «Менты» и проч. и проч. – это всё работа сценаристов (С. Н. Есин. Дневник (2005)) –*

до полюса отрицательного:

(2) *Письмо – это последовательность, линейность, слово идёт за словом; это абстрактно-знаковое изображение бесплотного, в общем-то, само бесплотное; это «литература» как противовес живому событию: обращаемся к письму – удаляемся от здесь и сейчас, от текущего момента, от жизни* (М. Ионова. Чайка, которая была буквой // «Октябрь», 2013).

Позиция оценочного предиката выявляет «размытость» смыслов. С одной стороны, в семантической структуре слова может актуализироваться сема «настоящее, значимое произведение искусства» (как в примере (1)), с другой стороны – «ненастоящее, выдуманное» (как в примере (2)). Поэтому роль конкретизатора оценки начинает выполнять контекст: прилагательное *большая* (1), наименования *«мыльные оперы»* (1), *бесплотное, противовес живому* (2). Показательны и кавычки при употреблении слова в ироническом ключе. При этом понимание *настоящей литературы* противоречиво и многоаспектно: за предикатом *литература* могут стоять абсолютно противоположные характеристики литературного творчества – как процесса, либо призванного отразить «правду жизни», либо предполагающего уход от реальности, выражающего «чистые смыслы». Ср. строки известного стихотворения Поля Верлена «Искусство поэзии»:

(3) *Пусть в час, когда всё небо хмуро,*

Твой стих несётся вдоль полян,

И мятою и тмином пьян...

Всё прочее – литература!

Характерно, что общеоценочные прилагательные *хороший, плохой* в сочетании с существительным *литература*, обозначая полюс оценки, не указывают на её «основание» – не определяют критерии отнесения того или иного явления к *хорошей* или *плохой литературе*:

(4) *Единственное хорошо известное противоядие ему – хорошая литература, которую теперь читают все меньше и меньше* (И. Прусс. Сделайте мне красивше // «Знание-сила», 2013),

(5) *В итоге ему всё равно, что является предметом его мысли (скажем, хорошая или плохая литература – «плохая» может давать даже больший импульс, чем «хорошая»), ибо в пределе бытия всё равнозначно и всё едино* (П. Кузнецов. Русский Феникс, или Что такое философия в России // «Звезда», 2001).

Особое значение поэтому приобретает контекст, разъясняющий позицию автора:

(6) *Роман этот, конечно, – «красный», а не «белый», но он, как всякая хорошая литература, – о жизни в её сложности, а не о том, кто хороший, а кто плохой* (В. Авченко. Фадеев (2017)),

(7) *Одно издательство выпускает даже серию книг «Коллекция трэш». Я решил уточнить набор синонимов по словарю: trash – отбросы, хлам, мусор, макулатура, плохая литература, ерунда, вздор, халтура* (М. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей (2005)).

«Выражение оценки, – отмечает Ю. П. Князев, – опирается на соответствие с нормой, которая <...> отражает соответствие определённым требованиям и пожеланиям, которым должен удовлетворять «хороший» объект оценки. <...> Конкретные проявления «хорошего» чрезвычайно многообразны» [Князев, 2007, с. 189]. Ср. также замечание Н. Д. Арутюновой об употреблении общеоценочных слов: «Не будучи дескриптивными, оценочные предикаты стирают индивидуальность объекта. Последняя варьируется в широких пределах. И за положительной, и за отрицательной оценкой могут стоять различные наборы аксиологически релевантных признаков. Поэтому оценочные предикаты нуждаются в экспликации. Это понимают и носители языка. Употребляя прилагательные общей оценки, они нередко дают им содержательный комментарий: “Познание жизни – это труд, для которого нужны силы. Источником этих сил и служит хорошая литература. Под словом *хорошая* я понимаю ту литературу, что наполнена жизненной правдой, связана с действительностью, а не отвлечённа, не умозрительна” (Ю. Коконов, ЛГ 2-Х-1985 г.)» [Арутюнова, 1988, с. 81].

Среди слов, способных иметь в современной речи оценочное значение, можно назвать производные *литературный*, *литературность*.

Описание значения относительных прилагательных в русском языке имеет, по мнению

Ю. Д. Апресяна, свою специфику: «Регулярная полисемия прилагательных представлена главным образом относительными прилагательными, значения которых, в обычной лексикографической интерпретации, часто настолько многообразны, что на первый взгляд с трудом поддаются учёту» [Апресян, 1995, с. 211].

Относительное прилагательное *литературный*, развивая переносное значение, может приобретать качественность и развивать дополнительные смысловые оттенки. Как отмечают авторы «Русской грамматики», «семантическая граница между качественными и относительными прилагательными условна и непостоянна: относительные прилагательные могут развивать качественные значения» [РГ, с. 542]. «Характерный для прилагательных процесс – приобретение относительными прилагательными качественных признаков, – отмечает Е. М. Вольф, – означает сдвиг по шкале соотношения объективного и субъективного, дескриптивного и оценочного. Оценочные смыслы особенно часто возникают тогда, когда объект оценки как-то связан со сферой человека ...» [Вольф, 2002, с. 29].

Литературным произведением можно назвать такое, которое соответствует нормам литературного языка, пронизано связями с мировой литературой, написано блестящим языком, – вероятно, такие смыслы имеет в виду автор следующего отрывка:

(8) – Довлатовский автобиографизм при этом очень **литературен**. Не случайно его проза вызывает такое множество ассоциаций. Так, Илья Серман, подчёркивая, что «главный герой довлатовской прозы – он сам», тут же сравнивает этого героя с таким литературным персонажем, как Остап Бендер; Вик. Топоров находит сходство довлатовского автобиографизма с нью-йоркской школой (Сэлинджер, Андайк, Рот, Белоу), А. Генис и П. Вайль встраивают автобиографического героя Довлатова в ряд «лишних людей» русской классической литературы (Е. Янг. Нарративная структура «Зоны»).

Сочетание краткого прилагательного с наречием степени очень подчёркивает «качественность» характеристики прозы С. Довлатова, а контекст свидетельствует о положительной авторской оценке: связь произведения с великими русскими и зарубежными текстами делает его поистине **литературным**.

Качественные семы в значении прилагательного **литературный** развиваются на базе одного из его значений, которое фиксируется в толковых словарях и – единственное из всех – допускает краткую форму: «соответствующий нормам, закреплённым в письменности, литературе (о языке, стиле речи)» ([БАС-1, т.6, с. 263]; [БАС-2, т.9, с. 228]; [БТС, с.499]). Иллюстративный материал словарных статей подтверждает возможность употребления данного прилагательного в оценочном значении уже в текстах XIX в.:

(9) «Язык его правилен, слог чист, **литературен** и читается с удовольствием» (В. Г. Белинский).

Положительные оценочные семы могут замещаться отрицательными, если качество, названное словом **литературный**, представлено в избытке и уводит от «правды жизни»:

(10) – При всей «положительности» образа Пети Трофимова он вызывает сомнение именно как положительный, «авторский» герой: он **слишком литературен**, слишком красивы его фразы о будущем, слишком общи его призывы «работать» и т. д. (В. Крючков. Рассказы и пьесы А.П. Чехова: ситуации и персонажи).

(11) От него я узнал, что в юности ему довелось работать репортёром в парижской газете «Матэн», и шеф постоянно его упрекал за то, что в своих репортажах он был **слишком «литературен»**, а от него требовалось излагать только факты (Читая Бориса Акунина (2003) // «Вестник США», 23.07.2003).

Существительное **литературность** («свойство по значению прил. **литературный**; литературные достоинства чего-либо» [БАС-2, т. 9, с. 227]) развивает в современной речи чаще отрицательные оценочные семы «неправдоподобность», «излишнее украшательство речи» – может сочетаться с градуальными прилагательными со значением избыточной степени проявления признака, братья автором в кавычки:

(12) Это же – плюс **чрезмерная «литературность»** таганрогского финала – и мешает нам отвергнуть

её без обсуждения, как очередной «царский след» на слишком хорошо пересечённой местности легендарного пласта русской истории (А. Архангельский. Александр I (2000)),

(13) Раздражает **избыточная литературность**, обилие ненужных метафор и сравнений: «сияющее пространство туалетной зоны, посреди которой царил он, итальянский розовый унитаз, похожий на хищный цветок», – брр, какая мерзость (Л. Данилкин. Нумерация с хвоста. Путеводитель по русской литературе (2009)),

(14) Он с таким восхищением описывал их позднее в «Трёх столицах», у него столько нашлось для них благодарных деталей и чёрточек, что **литературность** их образа на некоторых страницах его книги становится временами **нестерпимой** (И. Толстой. Барин из Парижа // «Русская жизнь», 2012),

(15) Похоже, для Прилепина борьба с «гладкописью» – момент, существенный сам по себе; для него важно всё время насиловать язык, держать градус, вышибать из текста **«литературность»**, которая, не исключено, воспринимается им как своего рода стилистический аналог социальной чуждости, буржуазности (Л. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего (2016)).

Интересно, что разговорная речь интернет-общения демонстрирует понимание существительного **литературность** как синонима «красивости», что не всегда сопровождается отрицательной оценкой:

(16) – *Имейте в виду: количе-*

ство плюсов рядом с отзывом ни о чём не свидетельствует, кроме того, что плюсанувшим понравилась его красавица и литературность. Если к отзыву стоит пятьдесят плюсов, это не означает даже того, что все пятьдесят человек прочитали книгу (Блог Надежды Поповой. Кто как отзывается обо мне).

(17) – (Евгений Ленский): *Успехов Вам в Вашем прекрасном Деле! Я очарован.*

– (Ольга из Орла): **Литературность** Вашего комментария в сочетании с поэтичностью Вашего ника очаровали меня! (Из комментариев на форуме).

При употреблении в речи производных **литературство** и **литераторство** не всегда выявляется их оценочный компонент. Национальный корпус русского языка фиксирует немногочисленные примеры нейтрального словоупотребления, представленные в основном в текстах XIX века. Ср. самый «свежий» пример для слова **литераторство**:

(18) *В отличие от Гарина-Михайловского, для которого **литераторство** так и не стало всепоглощающей профессией, Чехов, хоть порой и занимался медицинской практикой, ощущал себя прежде всего и главным образом писателем* (Л. Левицкий. Дневник (1997)).

Современные толковые словари сопровождают данные слова пометой **разговорное** [БАС-2, т.9, с. 226]. Характерно, что в «Толковом словаре русского языка»

Д. Н. Ушакова эти же слова были представлены с пометой *книжное* [ТСУ, т.2, с. 71]: понижение стилистического статуса языковых единиц обусловлено, вероятно, снижением частотности их употребления.

В современных контекстах, представляющих живую разговорную речь интернет-общения, у данных единиц могут появляться отрицательные оценочные коннотации:

(19) – *А на другой чаше весов у нас литература массовая. В большинстве своём, глупая, пустая, «хромая» ... Зато развлекательная, как забористый боевичок ... Данная дихотомия, массовость-элитарность, очень причудливо в нашей современной литературе пересекается с той, что я обозначил в заглавном посте: «хромая» искренность и пустое **литераторство** (О книгах, литературе и литераторстве (мысли вслух)),*

(20) – *Если цель заработать денюжку, то надо подсутиться ... Если **литераторство** просто «прёт», то однозначно надо его выпускать, во избежание абсцесса мозга (Выношу на суд сокровенно).*

Использование в контексте оценочного прилагательного *пустой* (19), стилистически сниженных единиц *подсутиться*, *переть* (20) создаёт своеобразный оценочный ореол слова *литераторство*, как бы «снижая» сам статус этого рода занятия. То же наблюдаем при употреблении глагола *литераторствовать*:

(21) – *Я вообще думал, куда можно приспособить продукт моего подсознания, ... кино, ... – снять не*

*могу. Не режиссёр, не оператор, только и остаётся сценарии писать, то бишь **литераторствовать**, а это опять таки может вылиться в банальный и в общем-то не имеющий особой ценности для кого-то ещё кроме тебя дневник сновидений (Дневник Tina_Velaske).*

Оттенок пренебрежения к занятию *литераторством* выявляется ближайшим контекстом: *только и остаётся, банальный, не имеющий особой ценности.*

В гнездо слова *литература* входят и производные с оценочными суффиксами, отражающими авторское отношение к предмету речи. Как отмечала А. Вежицкая, «во многих языках, например во многих славянских и романских, экспрессивное словообразование играет роль, которую трудно переоценить» [Вежицкая, 1996, с. 89].

Наиболее активным в выражении оценочных смыслов выступает в современной речи слово *литературка*. Его нет в «старом» БАСе, а в «новом» БАСе оно представлено с пометой *разговорное* и замечанием «обычно с оттенком пренебрежения» [БАС-2, т.9, с. 227]. Употребляясь в собирательном значении, в окружении слов с разговорной стилистической окраской, существительное *литературка* отражает разные проявления негативной оценки – иронии автора, его пренебрежительного отношения к предмету речи:

(22) *Керуак – вообще фуфел, это такая **литературка** для подростков (Л. Ланч: Делайте свою*

музыку, или Все мужики – сво... (2004) // «Хулиган», 15.07.2004),

(23) [Боб (nick)] На самом деле романы Сувестера и Аллена – слабенькая бульварная **литературка**, вроде Донцовой и экранизировать там, в общем-то, нечего (Форум: Обсуждение фильма «Фантомас» (2007-2011)),

(24) – А знаете, я влюбилась. В турка. Нет, он не аниматор. ... Его зовут Орхан. Орхан Памук. В 2006 году он получил Нобелевскую премию по литературе. И всё это уже принимает пугающие размеры.

– А что за **литературка**? А то его так много хвалят, что мне даже стрёмно читать – как бы не оказался очередной козлей.

В значении «отсутствие литературного вкуса, которое проявляется в вычурности слога, в пристрастии к шаблону в образах и в речи при тривиальном содержании» [БТС, с. 499] употребляется в современной речи и оценочное производное **литературица**. Сопровожаемое пометами *неодобрит.* [СУ, т.2, с. 72], *пренебр.* [БТС, с. 499], а в БАСе и пометой *разговорное* [БАС-2, т.9, с. 229], оно представлено в художественных и публицистических текстах:

(25) *Начало истории было более-менее правдоподобным, а вот в её деталях многие сомневались. – Явная **литературица**! Вот смотрите!* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)),

(26) *Мысль такая: если сравнить фабулы повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие», «Трёх сестер» Чехова и даже*

*«Униженных и оскорблённых» Достоевского, то окажется, что везде неестественность, везде **литературица**, везде жизненная неправда* (С. Есин. Дневник (2007)),

(27) *Начинается дешёвая **литературица**, обычная выпендрёжная болтовня о сложности человеческих личностей и тонкостях человеческих взаимоотношений* (И. Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // «Ковчег», 2013),

(28) *«Хочешь мое личное мнение? Ну так слушай, дружище. Все эти ваши разговоры с чертями, с недотыкомками всякими, с черными там человеками, двойниками, посланцами, вестниками – ... все эти мозговые игры – ... такая **литературица!**..»* (С. Носов. Фигурные скобки (2015)).

Ср. замечание об активизации суффикса *-щин-* как «яркого социально-оценочного средства» в современном словотворчестве в [Новые тенденции ... , 2014, с. 169 – 170].

Ещё одно оценочное производное гнезда **литература** – префиксальное образование *окололитературный*. Приставка *около-* в значении «имеющий лишь косвенное отношение к какой-либо сфере» (ср. *околонаучный, околотеатральный* [БАС-2, т. 13, с. 643–644]) привносит в содержание данного прилагательного оттенок пренебрежения [БАС-2, т.13, с. 643], неодобрения [БТС, 2000, с. 709]. В качестве определения данное прилагательное присоединяется к слову, употреб-

лённому в переносном значении, и создаёт метафорический образ:

(29) *Я не проверял этих рассказов: если они не достоверны, пусть останутся как **окололитературный фольклор*** (М. Гаспаров. Записки и выписки (2001)).

Интересна в связи с таким метафорическим переосмыслением реализация темы насекомых. «Окололитературный трутень» – так называлась статья в газете «Вечерний Ленинград» (29 ноября 1963 года) об Иосифе Бродском. Этот образ вспоминает публицист Ю. Лепский:

(30) *И почему ни в библиотеке его имени, ни в доме-музее, ни в Норенской, ни в Коноше нет поразительных по степени хамства и невежества протоколов его допросов в Ленинградском суде? Думаю, ответ на этот вопрос – в замечательной мемориальной доске, прикреплённой к стене Коношского вокзала: «Сюда осенью 1964 года прибыл в ссылку поэт, лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский». В этой «памятной» надписи почти всё неправда. И главная ложь в том, что «осенью 1964 года» сюда прибыл не поэт, а осуждённый тунец, и не лауреат Нобелевской премии (он получит нобелевку только через двадцать три года), а **«окололитературный трутень»** (Ю. Лепский. В поисках Бродского // «Дальний Восток», 2019).*

Метафора насекомого находит развитие в следующем образе:

(12) *Всему свое место. А то так все гадить начнут где ни попадя, только успевай хорошенькие места*

*прятать да перепрятывать. Не напасёшься мест никаких. **Окололитературный таракан** – он, конечно, всюду расползается. Везде поспекает. Несмотря на то что премного один. Вернее, до неразличимости один и тот же* (В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2009).

Заключение

Таким образом, производные гнезда *литература* в современной речи способны проявлять свой оценочный потенциал. Среди данных единиц есть те, которые не оценочны по своей природе, но, в русле экспрессивизации высказывания и установки на выражение эмоционального отношения к предмету речи, начинают «прирастать» оценочными семами. Само существительное *литература* в позиции предиката отражает широкий оценочный спектр – и положительную, и отрицательную оценку. Экспликации оценочного смысла способствует контекст – авторский комментарий, содержащий стилистически маркированные единицы, подерживающие вектор оценки.

Оценочными в определённых контекстах становятся такие производные, как прилагательное *литературный*, развивающее качественные семы; существительные *литературность*, *литераторство*, приобретающие способность сочетаться с градуальными лексическими единицами; глагол *литераторствовать*.

В гнездо слова *литература* входят и производные с оценочными аффиксами: суффиксальные образо-

вания *литературка*, *литературици-на*, префиксальное производное *окололитературный*. Фиксируемые в словарях оттенки неодобрения, пренебрежения подтверждаются современными контекстами различной стилистической направленности – книжной речью (художественной, публицистической) и разговорными фактами интернет-общения.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Москва : Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. Москва : Наука, 1988. 341 с.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Москва – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950 – 1965. (БАС-1)
4. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1 – 26. Москва – Санкт-Петербург : Наука, 2004 – 2019. (БАС-2).
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : «Норинт», 2000. 1536 с. (БТС).
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва : Русские словари, 1996. 416 с.
7. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
8. Гловинская М. Я. Формирование оценочных значений у безоценочных слов // Современный русский язык: Система – норма – узус. Москва : Языки славянских культур, 2010. С. 140–150.
9. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. Москва : Языки славянских культур, 2007. 704 с.
10. Крысин Л. П. Оценочный компонент семантики иноязычного слова // Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. Москва : Знак, 2008. С. 52–62.
11. Новые тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л. В. Рацибурской. Москва : Флинта : Наука, 2014. 304 с.
12. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. Москва : ФЛИНТА Наука, 2013. 328 с.
13. Русская грамматика: научные труды. В 2 т. Т. 1 / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Репринтное издание 1980 г. Москва, 2005. 784 с. (РГ)
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935 – 1940. (ТСУ)

Reference list

1. Apresjan Ju. D. Izbrannye trudy. Tom I. Leksicheskaja semantika = Selected Works. Volume I. Lexical semantics. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 1995. 472 s.
2. Arutjunova N. D. Tipy jazykovyh znachenij. Ocenka, sobytie, fakt = Types of linguistic meanings. Evaluation, event, fact. Moskva : Nauka, 1988. 341 s.
3. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. = Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols. Moskva – Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950 – 1965. (BAS-1)
4. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka = Large academic dictionary of the Russian language / Gl. red. K. S. Gorbachevich. T. 1 – 26. Moskva – Sankt-Peterburg : Nauka, 2004 – 2019. (BAS-2).
5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Large explanatory dictionary of the Russian language / Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : «Norint», 2000. 1536 s. (BTS).
6. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition. Moskva : Russkie slovari, 1996. 416 s.
7. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional evaluation semantics. Moskva : Editorial URSS, 2002. 280 s.
8. Glovinskaja M. Ja. Formirovanie ocenочnyh znachenij u bezocenочnyh slov = Forming evaluative meanings in non-evaluative words // Sovremennyj russkij jazyk: Sistema – norma – uzus. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. S. 140–150.
9. Knjazev Ju. P. Grammaticheskaja semantika: russkij jazyk v tipologicheskoj perspective = Grammatical semantics: the Russian language in typological terms. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 704 s.
10. Krysin L. P. Ocenочnyj komponent semantiki inojazychnogo slova = Evaluative semantic component of foreign words // Krysin L. P. Slovo v sovremennyh tekstah i slovarjah: Oчерki o russkoj leksike i leksikografii. Moskva : Znak, 2008. S. 52–62.
11. Novye tendencii v russkom jazyke nachala XXI veka = New Trends in the Russian Language of the early XXI century / Pod red. L. V. Raciburskoj. Moskva : Flinta : Nauka, 2014. 304 s.
12. Radbil' T. B. Osnovy izuchenija jazykovogo mentaliteta = The basics of studying linguistic mentality. Moskva : FLINTA Nauka, 2013. 328 s.
13. Russkaja grammatika: nauchnye trudy = Russian grammar: scientific works. V 2 t. T. 1 / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. Reprintnoe izdanie 1980 g. Moskva, 2005. 784 s. (RG)
14. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. = Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols. / Pod red. D. N. Ushakova. Moskva : Gos. in-t «Sov. jencikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935 – 1940. (TSU)

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.
The article was submitted on 10.01.2023; approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023